

выселки как тип поселения встречались гораздо реже, чем в других губерниях Сибири. Самой высокой долей селений названного типа обладала поселенческая сеть Канского округа, но показатель удельного веса выселков в общем числе его поселений составлял лишь 0,5 %.

К сельским населенным пунктам несельскохозяйственного или смешанного типа можно отнести встречавшиеся в крае поселения при рудниках, приисках, заводах. Как правило, такие поселения имели одинаковый с основным предприятием статус. В Тобольской губернии к 1893 г. насчитывалось шесть таких поселений, в Енисейской – одно, в Иркутской – десять. В Томской губернии населенных пунктов с указанным статусом не было.

В заключение отметим, что на изучаемой территории к концу XIX в. из 10 444 населенных пунктов 6926 поселений (66,3 %) приходилось на долю Тобольской и Томской губерний (Западная Сибирь) и 3518 (33,7 %) – на долю Енисейской и Иркутской губерний (Восточная Сибирь). Для структуры расселения большинства округов Енисейской и Иркутской губерний, а также северных округов Тобольской и Томской губерний было характерно очаговое расположение населенных пунктов и их малонаселенность, т. е. преобладали поселения, небольшие по размерам (особенно в Иркутской губернии). Несколько иной была картина в южных округах Тобольской и Томской губерний, где удельный вес крупных по числу жителей селений возрастал, а заселение территории отличалось большей равномерностью. В целом по Сибири средний по величине населенный пункт состоял из 53 дворов и 294 жителей.

В типической структуре сельских поселений рассматриваемого региона преобладали населенные пункты со статусом села, деревни, заимки, выселка, что свидетельствовало о его интенсивном сельскохо-

зяйственном освоении. Количество несельскохозяйственных сельских поселений в изучаемый период было незначительным. Специфическая система поселений (заводы, селения при рудниках и приисках) формировалась в основном в горных Бийском и Кузнецком округах Томской губернии, а также в Минусинском округе Енисейской губернии, Нижнеудинском и Киренском округах Иркутской губернии.

Характерной особенностью региона являлось существование на его территории большого количества «инородческих» поселений и их значительная доля в общем числе сельских населенных пунктов (свыше 23 %).

Таким образом, к концу XIX в. в Сибири сложилась достаточно устойчивая система расселения, основу которой составляла сеть сельских поселений. Эта сеть, несмотря на неравномерность ее размещения, небольшую численность и малонаселенность, способствовала дальнейшему заселению, аграрному и промышленному освоению Сибирского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. 3-е изд. СПб., 2003.
2. Мазур Л.Н. Сельское расселение на Среднем Урале в XX в.: направления и варианты трансформации поселенческой сети: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2006.
3. История Курганской области. Курган, 1999. Т. 5; 2001. Т. 6.
4. Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2000.
5. Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул, 2003.
6. Статистика Российской империи: волости и населенные места 1893 г. СПб., 1893. Вып. 1: Акмолинская область; 1894. Вып. 4: Иркутская губерния; Вып. 12: Томская губерния; 1895. Вып. 10/11: Тобольская и Енисейская губернии.

Статья поступила
в редакцию 20.08.2012

УДК 94(47)«18/1917» 316.342.4.

А.Ю. КОНЕВ

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ИНОРОДЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ИХ СОБСТВЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ (XIX – НАЧАЛО XX В.)

канд. ист. наук
Тюменский государственный
нефтегазовый университет
e-mail: aldimoks@mail.ru

В статье исследуется социальное самоопределение автохтонных народов Северо-Западной Сибири в процессе реализации реформы М.М. Сперанского. Прослеживается отношение представителей этих народов к предписанному им государством статусу, соотношение его с их собственным пониманием своего положения в обществе. Определяются сформировавшиеся к началу XX в. элементы сословной самоидентификации инородцев. При этом автор обращает внимание на сохранявшие актуальность локальные, этнические, территориально-административные и конфессиональные связи и идентичность, которые свидетельствовали о незавершенности процесса сословной консолидации инородцев региона.

Ключевые слова: инородцы, сословие, идентичность, Северо-Западная Сибирь.

Побудительным мотивом к написанию данной статьи для автора послужил возросший в последние годы со стороны отечественных историков, этнографов и правоведов интерес к изучению терминологии описания народов Российской империи [1; 2; 3; 4]. На наш взгляд, интерес этот не в последнюю очередь обусловлен вниманием к названной тематике в новейшей зарубежной историографии, тем более что соответствующие работы в течение последних десяти лет активно переводились на русский язык [5; 6; 7].

Отметим, что в большинстве известных нам публикаций, посвященных происхождению и содержанию термина «инородцы», основное внимание сосредоточено на его юридическом определении законодателем, на том, какие значения приобретало это понятие на протяжении XIX – начала XX в. в политическом, этнографическом и бытовом смыслах. Практически вне поля зрения исследователей остался весьма интересный аспект, связанный с тем, как сами представители инородческого населения осознавали свою принадлежность к определенной сословной группе, как они относились к предписанному им государством социальному статусу и соотносили его с их собственным пониманием своего места в общественной структуре. В этом отношении выделяется работа Л.И. Шерстовой, в которой автор анализирует ментальные установки тюрков Южной Сибири, обусловленные спецификой их социального состояния и проявившиеся в процессе отстаивания этими инородцами своих прав, определенных Уставом 1822 г. [8, с. 216–270].

В настоящей статье говорится об индигенном населении, под которым понимается население, предшествовавшее заселению Сибири и прилегающих к ней территорий русскими. С.В. Соколовский обращает внимание на то, что близкие к понятию «индигенность» термины «аборигенность» и «автохтонность» не являются его полными синонимами, имея собственные нюансы значений. Аборигены – первые насельники земель от начала начал; автохтоны – группы, впервые сформировавшиеся на данной территории [9, с. 321]. Термин «индигенные» позволяет охватить наряду с обскими уграми, самодийцами и частью сибирских тюрков, традиционно воспринимающихся в качестве туземных/автохтонных для исследуемого региона, проникавших сюда с конца XIV в. выходцев из Средней Азии и позднее – поволжско-уральских татар, потомки которых в XIX в. также попали в категорию инородцев.

Имеющийся в распоряжении исследователей корпус источников, связанных с реализацией в рассматриваемый период государственной политики в отношении народов западносибирского севера, транслирует информацию, опосредованную сознанием местных администраторов, священнослужителей и волостных писарей. В их среде существовали обусловленные господствующими общественно-политическими и религиозными воззрениями, правовыми установлениями взгляды на роль и место, которые отводились инородцам в имперской системе. Наряду с этим накапливавшийся в процессе практической деятельности личный опыт должностных светских и духовных лиц позволял составить им частные суждения о нуждах и проблемах

инородческого населения, о положении, в котором оно пребывало, о мерах по улучшению/изменению его социально-экономического быта. Данные обстоятельства создают некоторые сложности для адекватной интерпретации соответствующих документов с целью поиска ответов на поставленные вопросы. По утверждению В.О. Бобровникова, выяснить мнение об инородческой политике самих туземцев не так-то просто: «в архивах их голосов не найти» [4, с. 285–286].

Тем не менее услышать «прямую речь» инородцев, на наш взгляд, возможно. Наиболее информативными в этом отношении источниками являются приговоры инородческих сходов, постановления родовых судов, материалы, связанные с урегулированием земельных споров, разрешением/запретом поселения русских в инородческих волостях, а также документы, содержащие информацию об осуществлении властями мероприятий по изменению разрядной принадлежности автохтонного населения.

В результате реализации Устава об управлении инородцев 1822 г.¹ в Северо-Западной Сибири произошла существенная перестройка сложившихся у нерусского населения региона социальных структур. В число инородцев были включены представители разнообразных категорий: ясачные, бухарцы, оброчные чувальщики, с конца 1860-х гг. – служилые татары (*йомышлы*). До реформы они различались, в первую очередь, формой податного обложения и способом отправления тех или иных повинностей в пользу государства, особенностями административно-территориальной организации, наконец, самосознанием, сформировавшимся под влиянием совокупности факторов этноконфессионального, административно-правового и экономического свойства. В ряде случаев социальные границы группы определялись этническим происхождением ее членов, например, в число т. н. бухарцев включались только выходцы из Средней Азии.

Устав, разработанный М.М. Сперанским и Г.С. Батеньковым, предусматривал интеграцию разношерстной в этноконфессиональном и социально-правовом отношении массы аборигенного и оседавшего в регионе пришлого мусульманского населения. Формулировалась новая иерархия социальных статусов, определяемая принадлежностью инородца к разряду «бродячих», «кочевых» или «оседлых» в зависимости от «степени гражданского образования и образа жизни». Перечисление из более низкого в более высокий разряд должно было осуществляться по мере перехода к оседлости и производящим формам экономической деятельности при обязательном согласии самих инородцев. Выступая «агентом идентификации и категоризации» [10, с. 150], государство использует правовые и символические ресурсы для выработки новых классификационных схем, способов контроля и учета населения со стороны бюрократии. Стремилось ли оно изначально к «внедрению» новой идентичности у тех, кого оно отнесло к категории «инородцы», однозначно ответить сложно. Тем не менее практика социальной, экономической и административной политики объективно способствовала этому.

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). 1-е собр. Т. XXXVIII, № 29 126.

Реформа 1822 г. в Сибири должна была свести на нет влияние конфессионального фактора на правовое и административное положение инородцев. Сословия, разряды, волости могли объединять представителей разных религий. § 17 Устава предписывал включать в число государственных крестьян «иноверцев», занимающихся «свойственными земледельцам упражнением», § 53 и 286 устанавливали свободу вероисповедания, а § 56 определял, что «восприятие христианской веры не препятствует» инородцам «оставаться на прежних правах», т. е. в том разряде и волости, к которым они причислены. Отличие от православных выражалось только в именовании язычников и магометан «оседлыми, торговыми, кочевыми *иноверцами*» (§ 12, 14, 53). В самом деле, в составе многих инородческих волостей находились представители разных исповеданий. Вместе с тем для административных объединений тюрков – татар и бухарцев, которые в наименьшей степени подверглись влиянию христианизации, была характерна конфессиональная однородность. Одним из проявлений их религиозного самосознания стало прошение, поданное в январе 1900 г. на имя тобольского губернатора доверенным от татар Вагайской волости Тахтабаем Курмановым. Суть его состояла в том, чтобы местные власти «не обзывали» выбранных в должности голов, кандидатов и сборщиков податей носить установленные для волостной администрации должностные знаки, так как на знаках этих был изображен христианский символ – крест. Просьба эта была удовлетворена [11, с. 207–208].

Неоднозначной выглядит в Уставе роль этнической принадлежности. С одной стороны, сам термин «инородцы» и принцип комплектования этой категории сибирского населения подразумевал проведение социальной границы по линии русские – нерусские. С другой, как уже отмечалось, закон не препятствовал переходу «оседлых» в другие податные сословия. При этом торговые и оседлые инородцы уравнивались с россиянами в правах и обязанностях (кроме рекрутской повинности) по тем сословиям, в которые они могли вступить, и, кроме того, имели право составить «собственные ратуши», «словесные суды» и «особенные волости», выбирать собственных старост (§ 81, 87–89). В связи с этим обращает на себя внимание решение Второй ясачной комиссии (действовала в Западной Сибири в 1828–1831 гг.) по вопросу подчинения состоявших в разряде оседлых куртумовских вогул Жукоскому волостному правлению. Вследствие просьбы инородцев комиссия разрешила иметь им собственное волостное управление «в отвращение притеснений» от русских крестьян².

Этнический фактор сохраняет свою роль в сфере административно-территориального устройства. Результаты первых лет реализации положений Устава свидетельствуют, что, как правило, каждая инородческая волость состояла из представителей одной этнической общности, отнесенных к одному и тому же разряду. Исключением являлась административная

приписка тундровых и лесных ненцев к некоторым остяцким волостям Нижнего Приобья. Такая практика обуславливалась неустойчивостью ненецких родов и ватаг, отсутствием у них стационарных поселений и сложившейся на протяжении XVII–XVIII вв. традицией управления «немирной самоядью» при посредничестве «остяцких князцов». Но и здесь прослеживается тенденция к совмещению этнических и административных границ. Это касается попытки вывести в 1823 г. из подчинения князя Тайшина самоедов, числящихся в Обдорской волости, и назначить для них особого главного самоедского старшину Пайгола³. Окончательно управление обдорскими остяками и самоедами было разделено только в 1865 г., когда для них были созданы отдельные инородные управы. Произошло это вследствие прошения на имя государя ненецкого старшины Илбады Седлеева. Причем Седлеев не именует своих «родовичей» инородцами, не указывает их разрядную принадлежность. Испрашивая разрешения платить ясак не «остяцкому князю», а «прямо в государственную казну», он пишет – «мы, самоеды».⁴ В делопроизводственных материалах Обдорских остяцкой и самоедской управ, судя по книге для записи приговоров по тяжбам и спорам, этнонимические обозначения также преобладают над употреблением терминов «инородец», «инородка».⁵ Более того, практика судопроизводства в Нижнем Приобье свидетельствует о том, что в конце XIX в. среди хантов сохраняются представления о специфике разных этнотерриториальных групп, находившей отражение в обычном праве. В 1881–1882 гг. Обдорская управа отказалась разбирать дела ляпинского остяка Сайнахова и инородца Куноватской волости Русьмеленхова, совершивших проступки на ее территории. В решениях управы указывалось, что каждый из них должен «судиться по обычаям того племени, к которому принадлежит» и что существует разница в наказаниях по аналогичным проступкам между Обдорской и Куноватской и, «вероятно», Ляпинской управами/волостями⁶.

Стремление подчеркнуть свою этносоциальную обособленность устойчиво прослеживается у бухарцев, нередко смежно проживавших с татарами в Тобольском, Тюменском и Тарском округах/uezдах. Проведя сравнительный анализ опубликованных Г.Т. Бакиевой прошений татар и бухарцев в адрес различных инстанций и должностных лиц второй половины XIX – начала XX в., обнаруживаем, что если первые в этот период в официальной переписке определяют себя в основном уже через термин «инородцы»/«инородец», то вторые, как и ранее, – через этноним «бухарцы»/«бухарец» [11, с. 187–212].

Для приговоров и постановлений инородных управ Сургутского округа/uezда, где проживало гомогенное в этническом отношении хантыйское насе-

³ Там же. Д. 300. Т. 1. Л. 26; Государственный архив в городе Тобольске (далее – ГА в Тобольске). Ф. 152. Оп. 39. Д. 116. Л. 13 об.

⁴ Там же. Л. 12–12 об.

⁵ Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (далее – ТИАМЗ). ТМ-13428.

⁶ Там же. Л. 5–7.

² Исторический архив Омской области (далее – ИсаОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 967. Л. 1 об., 13 об., 15–15 об.

ление, в конце XIX – начале XX в. было характерно использование термина «инородцы»⁷.

Вряд ли отмеченные терминологические особенности можно объяснить делопроизводственными штампами или предпочтениями писарей инородных волостных управлений определенных регионов губернии. Актуализация этнической идентичности могла быть отражением конфликтов и соперничества местных элит, как в Обдорской волости, и их стремлением подчеркнуть свою групповую специфику и солидарность в условиях тесных контактов с близким по языку, верованиям и антропологическому типу коренным населением, как в случае с бухарцами.

Один из важных отличительных признаков положения «бродячих» и «кочевых» состоял в несении ими особого рода повинности – ясака (пушным зверем или деньгами), что сохраняло сложившийся в предшествующий период порядок фискальных взаимоотношений с государством. Ясаком обуславливалось право землепользования, фактического распоряжения землей и угодьями, «издревле» состоявших во владении тех или иных инородческих родов и обществ. Коллежский советник Оболенский, проводивший в 1853 г. по заданию генерал-губернатора Западной Сибири ревизию дел в Березовском округе, в своем отчете отметил, что «инородцы были обложены ясаком за право владения тундрами и лесами, в коих они ловили разных зверей» и поэтому уплачивают ясак «в соразмерности с числом угодий, которыми каждый из них пользуется»⁸. Кроме того, ясачная подать стала фактором, влияющим на статусные позиции членов общины (волости, рода). «У инородцев... принято, что тот, кто уплачивает ясак, т. е. несет тяготу, стоит во всеобщем мнении выше не несущего оной», поэтому даже старики «непременно обязанностью своею считают уплачивать так же ясак, ибо иначе теряют все свое влияние и право суда и разбирательства, приобретенное именно через старшинство лет»⁹. Безусловно, такие представления сложились еще до начала XIX в. и бытовали не только у самоедов и остяков Нижнего и Среднего Приобья.

Перевод части ясакоплательщиков в «оседлые» в ходе реформы Сперанского, прежде всего татар, повлекший за собой замену ясака на формы податей, свойственные «сельским обывателям», вызывал негативную реакцию со стороны причисленных к этому разряду. Причины недовольства следует искать не только в том, что подушная подать должна была быть больше прежнего ясачного сбора, здесь власти проявили здравомыслие и, например, для татар Тобольской губернии переход «в полные обязанности по состоянию крестьянскому» осуществлялся постепенно [12]. Сложение ясака могло поставить под вопрос незыблемость прав коренного населения в сфере землепользования, несмотря на то, что согласно § 20 Устава «владеемые по древним правам сами иноверцами земли» утверждались за ними. Характерной особенностью прошений части татар на протяжении нескольких десятилетий после 1822 г. было указание на их принадлежность к

«ясашным» или «староясашным», когда дело касалось имущественных и поземельных споров¹⁰. Показательна в этом отношении позиция татарского населения Иштаманских юрт Тоболтуринской волости, подавших через своего поверенного соплеменника жалобу на бухарцев, претендовавших на пользование земельными участками наравне с татарами из числа бывших ясачных и служилых. Аргументируя протест своих доверителей, поверенный указал, что бухарцы никогда не участвовали в платеже ясака, подушной, а затем и оброчной подати и что они до 1875 г. вообще никаких угодий в этой местности не имели [11, с. 125–126].

Чиновник Главного управления Западной Сибири (ГУЗС) И. Русанов, отправленный в 1863 г. для обозрения быта инородцев Сургутского отделения Березовского округа, в рапорте на имя тобольского гражданского губернатора сообщал: «по распросам старшин и самих остяков... оказалось, что в них сильно укоренилось то убеждение, что они как народ ясашный непременно должны вносить ясак звериными шкурами, а не деньгами, и как видно более из опасения, что бы правительство по недостатку у них зверя не переменяло их быта на другое положение»¹¹. Опасения эти имели основания. Еще в 1835 г. в разряд оседлых были переведены вогулы трех волостей Туринского округа¹², так как по образу жизни и качеству промыслов они приближались к русским крестьянам.

Таким образом, ясачная подать и факт принадлежности даже в прошлом к категории ясачных и после реформы Сперанского продолжали играть существенную роль в осознании и обосновании специфических прав и обязанностей у большей части инородцев Северо-Западной Сибири. Ясачный фактор связывал воедино представления об исконности проживания на данной территории и особом статусе автохтонов-инородцев (самоеды, остяки, вогулы, татары), проводил грань между ними и пришлыми (бухарцы, оброчные чувальщики, зыряне, русские).

Отстаивание своих прав на владение рыбными угодьями, пастбищами, сенокосами и пахотными землями в условиях активного проникновения на территории инородческих волостей русских крестьян, мещан и промышленников, а также зырян являлось отражением сформировавшихся групповых интересов. Под влиянием внешней идентификации эти интересы и связанные с ними права постепенно осмысливаются как сословные «инородческие». Вследствие жалоб березовских остяков генерал-губернатору Западной Сибири и ходатайства князя Тайшина «за всех своих родовичей» самому императору о захвате их земель русскими промышленниками и поселении на этих землях ссыльных в 1854 г. была создана особая комиссия по разбору поземельных споров в Березовском округе. В связи с этим ГУЗС указало, чтобы «разные земельные угодья и промыслы, принадлежащие целым обществам инородцев» в соответствии со статьей 1451 X тома Свода законов гражданских отдавались в наем русским промышленникам «не иначе как по письмен-

⁷ ГА в Тобольске. Ф. 421. Оп. 1. Д. 22, 166; Ф. 427. Оп. 1. Д. 26.

⁸ Там же. Ф. 152. Оп. 39. Д. 5. Л. 298 об.

⁹ Там же. Л. 299.

¹⁰ Там же. Ф. 464. Оп. 1. Д. 125. Л. 1^б-1^{об}.; [11, с. 188].

¹¹ ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 148. Л. 98.

¹² ПСЗ. 2-е собр. Т. X. Отд. 1, № 8183. С. 653.

ным условиям с согласия самих обществ за подписью не менее 2/3 лиц, платящих ясак и повинность»¹³. На протяжении 1905–1912 гг. велся спор между инородцами юрт Туртасских Назымской волости и их общественником Макаром Качаиновым о наделении землей его приемного сына. Отказ в обеспечении наделом обосновывался тем, что «приемыш» Антон Сафонов «состоит не из среды общества инородцев, а из общества крестьян русской Уватской волости» и переведен был без приемного приговора¹⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что к началу XX в. у индигенного населения региона складываются основные элементы сословной самоидентификации, обусловленные фактором категоризации этого населения государством, особенностями порядка управления и суда, землепользования, освобождением от воинской повинности и отношением к ясаку. Эти маркеры отличали инородцев от близкого им по статусу сословия государственных крестьян. Вместе с тем локальные этнические, территориально-административные, конфессиональные связи и идентичности зачастую оказывались не менее актуальными для индивида или общины, осознавались ими отчетливее, чем общая рамка «инородчества», что свидетельствовало о незавершенности процесса их сословной консолидации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001.
2. Андреева Н.Н. Понятие инородцев и их классификация в дореволюционной юридической литературе и законодательстве Российской империи XIX века // Вестник Моск. городского пед. ун-та. Серия: Юрид. науки. 2009. № 2.

3. Тлетцок Р.А. Проблема «имперского расширения» России в понятиях и терминах // Вестник Майкопского гос. технолог. ун-та. 2010. № 3.

4. Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2.

5. Khodarkovsky M. «Ignoble Savages and Unfaithful Subjects»: Constructing non-christian identities in early modern Russia // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / ed. by Daniel R. Brower and Ed. Lazzarini. Bloomington, 1997.

6. Слокум Дж.У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

7. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Авториз. пер. с англ. яз. О. Леонтьевой. М., 2008.

8. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005.

9. Соколовский С.В. Аборигенность и права на территорию: антропологические и биогеографические параллели // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. Казань, 2010. № 3.

10. Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами «идентичности» // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010.

11. Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX в. Новосибирск, 2011.

12. Конев А.Ю. Реформа 1822 г. у татарского населения Тобольской губернии: преодоление стереотипов // Сибирские татары: Материалы I-го Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998.

Статья поступила
в редакцию 09.08.2012

УДК 94(47)073+94(571)+930.085

Н.П. МАТХАНОВА

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О РЕВИЗИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ СЕНАТОРОМ И.Н. ТОЛСТЫМ («Дневник» В.Д. Философова и письма Н.М. Голицына)*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье вводятся в научный оборот новые источники по истории Сибири XIX в. – «Дневник» В.Д. Философова и письма кн. Н.М. Голицына. Они были участниками ревизии Восточной Сибири 1843–1845 гг. сенатором И.Н. Толстым. Показывается повседневная жизнь и служебные занятия приезжих чиновников, отношение их к сибирским купцам и чиновникам.

Ключевые слова: сенаторские ревизии, власть и общество, В.Д. Философов, Н.М. Голицын, ревизия И.Н. Толстого, источники по истории Сибири.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а. Автор благодарит за помощь сотрудников РГАЛИ и библиотеки Государственного Эрмитажа.

¹³ Тобольский историко-архивный музей-заповедник (далее – ТИАМЗ). ТМ-12513/5. Л. 12.

¹⁴ ГА в Тобольске. Ф. 344. Оп. 1. Д. 199. Л. 14, 26–27.